
А. Д. Столяр

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
ПРОФЕССОРА М. И. АРТАМОНОВА

(Санкт-Петербург, 9—12 декабря 1998 г.)¹

Учредителями конференции памяти выдающегося историка древности, одного из основателей современной отечественной археологии, талантливого и мужественного организатора науки и культуры профессора М. И. Артамонова, явились Санкт-Петербургский государственный университет (СПбГУ), Государственный Эрмитаж и Институт истории материальной культуры РАН (ИИМК РАН). Она была отмечена существенными исследовательскими итогами и оставила все более отчетливо проявляющийся научно-этический резонанс.

В идейно значительной и плодотворной биографии истинного патриота России М. И. Артамонова в качестве очевидных доминант выделяются две триады. Первую составляют три научные организации, в деятельность которых М. И. Артамоновым был внесен весомый вклад. К ним относится, прежде всего, вырастивший его Университет, работе в котором М. И. Артамонов отдал полвека своей жизни (с 1925 г. — младший ассистент, с 1934 г. — профессор, с 1946 по 1972 г. — зав. кафедрой археологии, в критическое для Университета время — с 1948 по 1951 г. — проректор). Он же явился, как показали связанные с Конференцией архивные разыскания, фактическим основателем ИИМКА в 1937—1941 г. Наконец, назначенный, вопреки своей воле, правительственным распоряжением директором Эрмитажа, добился принципиального подъема всего научно-исследовательского статуса и международного авторитета великого музея.

В научной сфере через всю творческую жизнь М. И. Артамонова при всей широте его интересов, включающих в себя, в частности, темы археологической теории, зримо проходят линии многолетних фундаментальных исследований по трем особенно сложным и неизменно актуальным блокам проблем. Это история и искусство скифов, история и культура хазар, славяне и Древняя Русь.

Сочетанием именно таких координат («топографических», архитектурно отмеченных хрестоматийными ансамблями на двух берегах Невы, и проблемных, хронологически определенных периодом I тыс. до н. э. — начало II тыс. н. э.), определялась композиция и структура научных заседаний по узловой проблематике. Три названные выше генеральные темы, многие годы концентрировавшие на себе исследовательскую мысль М. И. Артамонова, стали предметом широкой, научно поставленной дис-

¹ Проект 98-01-14022г.

куссии на базе комплексного привлечения всех видов источников при доминирующей задаче развития опыта конкретно-исторической реконструкции «седой старины» Отечества.

Авторами 51 доклада были ученые Санкт-Петербурга, Москвы, Киева, Симферополя, Твери, Воронежа, Самары, Парижа и Гамбурга. В соответствии с этическими заповедями юбиляра «пустые» выступления в программу Конференции не попали. Лаконичную справку о научном содержании заседаний (оно документируется опубликованными тезисами докладов²) уместно начать с мемориальной части, воссоздавшей величественный образ русского ученого. Небезынтересными оказались сведения Тверских архивов о начале жизненного пути М. И. Артамонова (доклады Е. А. Ключевой и И. Н. Черных) — середняцкого сына из деревни Выголово Весьегонского уезда. Сведения о его детских годах, той народной среде, в которой он рос и о которой затем вспоминал с большой теплотой и уважением, в известной степени раскрывают онтогенетическую почву его прямого и самоотверженного характера: преданности выполняемому делу и приоритету общих интересов над личными помыслами, ответственной самостоятельности, незнания страха и полной неспособности к дипломатической игре и интриге.

В отношении же зрелого периода биографии М. И. Артамонова значительной новацией отмечались два сюжета, существенные для историографии нашей науки и культурного строительства. Первый из них был представлен (доклады А. Д. Столяра и Н. И. Платоновой) впервые раскрытой по материалам Петербургского филиала Архива РАН (фонд И. А. Орбели) и архива ИИМК РАН «потайной» историей основания головного археологического института (ИИМКа) в системе АН СССР, посвященной, казалось бы, невероятной в трагические 1937—1939 г. ситуации двухлетнего единодушного противостояния коллектива археологов назначенному Президиумом АН СССР директору, академику И. А. Орбели и, по существу, единогласного «избрания» руководителем Института М. И. Артамонова, еще очень «молодого» (с 31 декабря 1935 г.) кандидата исторических наук к тому же упорно беспартийного.

Второй сюжет касается оценки деятельности М. И. Артамонова как директора Эрмитажа (1951—1964 г.). Эта острая тема в силу грубо проведенного увольнения М. И. Артамонова с поста директора музея, вызвавшего широкий общественный резонанс, до недавнего времени служила предметом лишь кулуарных, во многом произвольных суждений. Впервые к этому сюжету серьезно обратилась Джарилдин Норман в своей монографии³, посвятив деятельности М. И. Артамонова в музее немало страниц. Появились первые воспоминания (например, автора этого очерка⁴), которые, конечно, включают в себя момент определенной субъективности.

Полную ясность в этот значительный сюжет внес доклад исключительно компетентного интеллектуала — действующего директора Эрмитажа М. Б. Пиотровского. Согласно его суждению, «глубоко интеллигентный М. И. Артамонов», утверждавший «приоритет научной и издательской работы» и «ведущий упорную борьбу за повышение статуса музея», «стал защитником высоких культурно—художественных критериев». Постоянное противостояние некомпетентному вмешательству «жесткого стиля советской бюрократической машины» и стоившая ему карьеры самоотверженная защита «новой» французской живописи (т. е. классиков импрессионизма, картины которых предписывалось Эрмитажу «выбросить» из своих стен) «имели огромное значение для отечественной культуры». Резюме проведенного в докладе анализа сводилось к тому, что «М. И. Артамонов был предан Эрмитажу», и, уже насильственно «оторванный от музея, он мог гордиться тем, что и как он сделал, будучи директором»⁵.

² Скифы. Хазары. Славяне. Древняя Русь. СПб., 1998. — 194 с.

³ Norman G. The Hermitage. The biography of a great museum. London. 1997. — 386 p.

⁴ Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. Симферополь, 1998. Вып. VI. С. 34—57.

⁵ Тезисы конференции. С. 17—18.

При таком «профиле» *Михаила Илларионовича*, естественно, в кругу сотрудников, видевших директора в критических ситуациях, в его открытом противостоянии некомпетентности самых высоких чиновников, закрепилось его прозвище «фельдмаршал», данное коренным эрмитажником Ю. А. Русаковым⁶.

Хронологически обзор исследовательской триады М. И. Артамонова логично начать со *скифологии*. Это яркое направление в русской гуманитарии было начисто ликвидировано на протяжении двенадцати послереволюционных лет рядом трагических эксцессов (1918 г. — отъезд М. И. Ростовцева; 1928 г. — «проработка» С. А. Жебелева; 1929 г. — ликвидация в ГАИМКе группы, работавшей по программе «*Congrus tumulorum*»; 1930 г. — арест Г. И. Боровки). Тящую в себе немало опасностей задачу возрождения скифологии как важнейшей составляющей изучения евразийской истории в эпоху раннего железа принял на себя М. И. Артамонов. В студенческие годы почти наверняка он слушал читавшийся Г. И. Боровкой (вплоть до 1927 г.) спецкурс «Эллино-скифские древности», и, следовательно, в этой инициативе он как бы продолжил труд одного из своих наставников.

Руководствуясь принципами историзма и стремясь восстановить разорванную происходящими, далекими от собственно науки обстоятельствами картину связи времен в этом этико-хронологическом звене, М. И. Артамонов на время отодвигает в своих штудиях на второй план до этого основную у него хазарскую проблематику. Акт возрождения скифологической специализации как одного из ведущих направлений в отечественной археологии был отмечен сначала в 1939 г. шестью очерками М. И. Артамонова по темам истории и культуры скифов в созданном под его руководством обобщающем труде ИИМКа АН СССР «История СССР с древнейших времен до образования древнерусского государства» (один очерк — в соавторстве с Б. Б. Пиотровским; остальные — в соавторстве с «фактопклонником» С. А. Жебелевым), а затем, особо значимо, — защитой М. И. Артамоновым докторской диссертации 25 июня 1941 г. «Очерки истории Северного Причерноморья. Скифы». Возобновившиеся сразу после окончания Великой Отечественной войны скифологические публикации М. И. Артамонова (в их числе — настоящий «бестселлер» — «Сокровища скифских курганов», изданный на семи европейских языках) составили впечатляющий фонд, поныне сохраняющий свою научную ценность. Попутно нелишне заметить, что при всей значительности этого вклада в науку он был выполнен М. И. Артамоновым, как это было свойственно ему вообще, «бесшумно», можно сказать, в рабочем порядке, без всякого подчеркивания характера новации и своего авторства. Поэтому историографически такой путь восстановления нашей скифологии в ее правах не всегда отмечается в должной степени.

М. И. Артамонов —
выпускник Петроградского
университета (1924 г.)

В работе Конференции разработка в широком ключе этой тематики, волновавшей М. И. Артамонова буквально до последних дней жизни, археологическое движение по возобновленной им «скифской тропе», увенчавшееся рядом принципиальных достижений, были многопланово представлены группами квалифицированных докладов.

Памятуя заповедь М. И. Артамонова, что полноценному конкретно-историческому исследованию обязательно должна предшествовать строгая атрибуция привлекаемых археологических материалов, серия докладов была посвящена аналитической оценке пополнения источниковедческого фонда скифологии по «большим» поселениям (доклады Г. И. Смирновой и Н. А. Гаврилюк) и особенно

⁶ См.: Булгакова Н. Фельдмаршал Эрмитажа // Поиск. 1998. № 50. С. 11.

опорным погребальным комплексам (доклады С. А. Скорого, С. С. Бессоновой, В. Ю. Мурзина — Р. Ролле, А. Ю. Алексеева). Большой научный интерес представляли традиционные для этого раздела выступления по темам прародин и происхождению скифов (доклады А. Г. Козинцева и А. А. Ковалева), их истории (доклады И. Н. Медведской, В. Ю. Зуева, А. П. Медведева), специфического «звериного стиля» скифского искусства как мировоззренческого атрибута (доклады Д. Г. Савинова, Е. Ф. Корольковой, Ю. В. Болтрик), связей и культурных контактов скифского мира с иноэтничным окружением (доклады И. С. Каменецкого, А. Н. Щеглова) при особом выделении в этом разделе отношений варваров и греческих колоний Северного Причерноморья (доклады М. Ю. Вахтиной, Т. Н. Смекаловой, Я. В. Доманского — Э. Д. Фролова).

Хазарская эпопея заняла в научной биографии М. И. Артамонова исключительное место в связи с его ролью первопроходца на еще не познанном археологическом поле. Здесь развитие нелегкого исследовательского поиска в послевоенное время было крайне затруднено далекими от древности происходящими обстоятельствами (о них — ниже). Именно в этой, критически трудной части творческой триады М. И. Артамонова особенно рельефно выявилась его этическая органика. Это такие его качества, как:

* глубокая исследовательская интуиция и ощущение не опознанного наукой этнокультурного звена в опыте масштабной исторической реконструкции;

* при подлинно гуманистической основе сознания доминанта строго научных задач исследования, идейная самостоятельность и отвержение каких бы то ни было конъюнктурных соображений; более того, определенная резистентность (термин Д. С. Лихачева, с которым М. И. Артамонова сближало тонкое духовное созвучие), выражавшаяся в возрастании исследовательского сопротивления в ситуации тенденциозного внешнего давления.

Созревание М. И. Артамонова как полевого исследователя высшего класса сопряжено с его участием, начиная с 1926 г., в работах масштабной Северо-кавказской экспедиции, руководимой А. А. Миллером. В обширных тематических планах этой многолетней экспедиции хазарская тематика как раз никак не значилась. Причиной тому была прочная традиция отрицательного свойства: до этого времени вообще археологией хазар никто специально не занимался. В итоге хазарский каганат, убедительно отмеченный средневековыми письменными источниками (в том числе и «Повестью временных лет»), в археологическом плане представлялся невидимкой.

В самом начале экспедиционных работ в Нижнем Подонье, таящем в своей земле множество вещественных свидетельств культуры и истории хазар, М. И. Артамонов как бы уловил этот голос прошлого. Осознание такой лакуны, разрывающей по причине близорукости науки связь времен в исторической панораме степного Предкавказья второй половины I тыс. н. э., сразу же побудило только закончившего аспирантуру исследователя отдать все силы археологическому поиску хазарского следа в этом регионе. В 1929 г. состоялась его первая самостоятельная разведочная экспедиция, нацеленная на выявление хазарских памятников в этом регионе.

Сопряженная с самым началом такой инициативы собственно историческая постановка задачи, исследовательская динамика, даже страстность, и результативность поиска вскоре удостоверяются выходом двух его монографий (1935 и 1937 г.) и затем целой серией этюдов и статей. Этим прежде всего источниковедческим вкладом формируется в русской библиографии звено литературы по хазарам как историческому явлению.

Апогеем хазарской главы в исследованиях М. И. Артамонова явилось археологическое спасение для науки (т. е. источниковедения) единственного физически известного протогородского центра хазар — крепости Саркел на Дону, которая после взятия ее дружиной князя Святослава в 965 г. сохранила за собой славянское название Белая Вежа. Миссию таких уникальных по масштабу и сложности раскопок выполнила инициированная и руководимая М. И. Артамоновым Волго-Донская экспе-

диция, на годы работы которой (1949—1951) как раз пришелся особый накал пропагандистской «борьбы с космополитизмом» и «сионизмом». На хазарский компонент средневековой истории Восточной Европы было наложено строжайшее осуждающее табу в качестве идеологической кары за «неразумность» конфессионального выбора каганата более тысячелетней давности — на рубеже VIII и IX в. н. э.

В такой идеологически мрачной атмосфере финал выдающихся полевых исследований на Дону был отмечен грозным окриком непререкаемой газеты «Правда» (от 25 декабря 1951 г.), обвинившим М. И. Артамонова в упрямом отстаивании «ошибочной концепции», «принижающей самобытное развитие русского народа» и совершенно неприемлемой для советской исторической науки.

В ответ на эти спекулятивные обвинения М. И. Артамонов, самодостаточно развивавший свой научный поиск, при первой же возможности опубликовал фундаментальную «Историю хазар» (1962 г.), до сих пор сохраняющую свое энциклопедическое значение.

За прошедшие последние полвека находения раскопанного Саркела под водой Цимлянского водохранилища хазароведение чрезвычайно обогатилось в источниковедческом плане (в том числе публикацией письменных свидетельств X в. — «Киевского письма» и «Текста Шехтера», убедительно подтверждающих историческую роль каганата). В таком контексте «хазарский блок», особо значимый в научном наследии М. И. Артамонова, отразил в программе Конференции действенное развитие выделенных основоположником этой субдисциплины в археологии ведущих исторических проблем и перспективных исследовательских аспектов. Они включают в себя опорную идентификацию соответствующих археологических реалий; вопросы истории хазар и их каганата, его социокультурной роли и взаимодействия с соседними этнокультурными образованиями.

Этому спектру проблем были посвящены как обзоры ведущих исследователей данной специализации (доклады прямых учеников М. И. Артамонова — С. А. Плетневой, А. В. Гадло, А. И. Айбабина, а также доклад А. З. Винникова), так и отдельные сообщения (Д. А. Сташенкова, Н. А. Фоняковой). Особый интерес вызывал анализ письменных источников (доклады В. Я. Петрухина и К. Цукермана), а также выразительный цикл «крымских этюдов». Они были посвящены проблематике динамичного раннего средневековья на Крымском полуострове (доклады В. А. Сидоренко и Э. А. Хайрендиновой), вопросам византийско-хазарских отношений в горном Крыму (доклады А. Г. Герцена и В. Е. Науменко), истории Херсонеса (доклад И. А. Завадской).

В целом работа этой секции показала, что конституированная инициативой М. И. Артамонова и затем десятилетиями защищаемая им отрасль средневековой археологии исследовательски утвердила себя в качестве тюркского элемента в познании медиевистского хода истории на юге Восточной Европы. Сам М. И. Артамонов никогда ни словом не обмолвился о своей миссии основателя важного раздела археологии, обогатившего структуру этой науки. Но объективно такая заслуга принадлежит ему, как и завещанный будущему значительный потенциал намеченных методик и идей в сфере этой субдисциплины.

Последняя составляющая творческой триады М. И. Артамонова — сложное сплетение проблем происхождения и ранней истории славян, становления древнерусской государственности и ее самобытной культуры — особенно стойко держалась в самом фокусе глубоких изысканий, освещавших его жизнь. Работа над этими основополагающе «острыми» темами, сопряженными с более чем столетней перманентной дискуссией, была начата еще на студенческой скамье изучением сельского домостроительства на родной тверской земле (публикация 1926 г.). Будучи аспирантом, он продолжил такой цикл вполне квалифицированным историко-искусствоведческим анализом уникальных памятников древнерусского искусства (фресок Нередицы — публикация 1929 г.; миниатюр Кенигсбергского списка летописи — публикация 1931 г.). А оборвался подобный цикл лишь последним утром жизни ис-

следователя, 31 июля 1972 г., в тот момент, когда он очередной раз правил многострадальное эссе «Первые страницы русской истории в археологическом освещении».

Тяжелые переживания финала жизненного пути были связаны с невозможностью предания гласности этого духовного завещания М. И. Артамонова в области славистики. Отказ научных журналов от публикации его итогового откровения был категоричным в связи с его полным разрывом с господствующими постулатами, в течение многих лет получающими официальную поддержку. На страницах «Советской археологии» этот очерк, наделенный непреходящей актуальностью и сразу же вошедший в фонд классического наследия, появился лишь в 1990 г., к тому же с купюрами и после редакторской правки.

Предельно ограниченный в объеме, крайне лаконичный очерк своим синтетическим анализом энциклопедически охватывает всю гетерогенную совокупность исторических источников и связанные с ними историографические традиции. Включая в себя элементы авторской самокритики, он отличается исключительной откровенностью, прямоотой и смелостью (вплоть до, например, заключения о синхронном появлении норманнов и славян в лесной полосе северо-западного региона в IX в.). Итоговым опытом М. И. Артамонова выделяются первостепенные вопросы раскрытия начальной истории восточных славян, чем стимулируется перспектива развития творческих дискуссий на строго научной основе.

Весь «славянский путь» М. И. Артамонова был подчинен стремлению к «историческому реализму» (иначе, примату максимальной документальной достоверности и гипотез). Он все решительнее отвергал «наивный» гиперавтохтонизм и тенденциозность чрезвычайного хронологического удревления акта проявления славян на исторической арене и их территориального расселения. Объективно это служило и продолжает служить успехам научной расчистки комплекса наших представлений о славянском этногенезе.

Обсуждение этой проблематики открылось широким историографическим обзором Г. С. Лебедева. В последующих докладах объектами анализа явились уже упоминавшаяся последняя работа М. И. Артамонова о расселении восточных славян (доклады Вас. А. Булкина и В. Н. Седых), предложенная им интерпретация этнокультурных явлений и взаимодействий I тыс. н. э. (доклады М. Б. Щукина, В. М. Горюновой — О. А. Щегловой, Ю. М. Лесмана), историческая информация «Повести временных лет» (доклады Н. И. Петрова, Т. В. Рождественской). Отдельные этюды были посвящены дешифровке знаков Рюриковичей на кистине из Белой Вежи (доклад В. Д. и С. В. Белецких), а также древнерусской иконе в собрании Эрмитажа (доклад А. С. Косцовой) и одному сюжету фресок Нередицы как классике древнерусского искусства (доклад М. В. Рождественской).

Подводя общие итоги Конференции, подчеркнем, что она убедительно раскрыла значение и диапазон научного вклада М. И. Артамонова в археологию. Возрождение скифологии, основание хазароведения, утверждение «исторического реализма» в проблемах славянского этногенеза составили важную основу дальнейшего развития этих субдисциплин. Научные установки исследователя были смело обращены в будущее науки, определяя на десятилетия генеральные линии поисковых изысканий. А то, что им уже было сделано в каждом из трех названных разделов, в отдельно взятой сфере истории, было совершенно достаточно для сохранения его исследовательского реноме в общеархеологической историографии.

Жизненность творческих принципов М. И. Артамонова и их вдохновляющее значение для работы археолога наших дней зримо представила заключительная общая дискуссия, открытая аналитически глубоким и откровенным по прямооте докладом ученика покойного юбиляра (ученика не только по специальности, но и, можно сказать, по нескрываемому «вольномудству» суждений) Д. А. Мачинского. Его темой являлась «Проблема научного наследия М. И. Артамонова в докладах Конференции».

Наконец, рассматривая Конференцию как представительный научный форум, нельзя обойти стороной еще один, по счету (а не по значимости!) четвертый содержательный аспект — научно-этический резонанс ее деятельности. Каждое заседание неизбежно воссоздавало в сознании его участников впечатляющий образ истинного патриота отечественной науки, человека большого ума, гуманизма и мужественности. В самой атмосфере заседаний как бы звучал заветный им девиз: «Смелость и честность!».

М. И. Артамонов, несомненно, принадлежал не к «любимцам», а к «пасынкам» своего сурового времени. Тем существеннее в качестве олицетворения абсолютной справедливости исторической оценки ученого воспринималось его мемориальное чествование, осуществлявшее нечто подобное акту социальной компенсации.

Органическое соединение в самом существе конференции перспективных научных инициатив и выдающегося урока высокой нравственности М. И. Артамонова придало ей особую эмоционально-воспитательную силу. Неожиданной демонстрацией самых живых чувств, почитания и любви к образу профессора М. И. Артамонова — в жизни сдержанного, внешне холодноватого и закрытого — оказалось одно предприятие: замысел посвятить номер журнала «Санкт-Петербургский университет» его памяти. Материал сразу же пошел буквально потоком, и в изданном целом номере (№ 27 от 8.12.1998г.; 36 полос) удалось поместить лишь половину корреспонденций, раскрывающих его действительное духовное богатство, человечность и приверженность к добрым делам (обычно совершаемым им анонимно).

К Конференции было приурочено открытие четырех выставок: в музее истории СПбГУ (биографические материалы об М. И. Артамонове); на кафедре археологии истфака СПбГУ (руководство кафедрой и преподавательская деятельность М. И. Артамонова); в Эрмитаже (хазарские и славянские коллекции Саркела); в ИИМКе РАН (научные публикации М. И. Артамонова).

